

ТАРУСА

Зеленой воронкой из недр выходя,
слиянием листьев и света,
сплошной каруселью садов и дождя
вращались Таруса и лето.

В малинниках душистых, в крапиве густой,
в жасминном кусте и в беседке
бродил и варился тягучий настой,
сцепляющий кровли и ветки.

И в полдень тянуло на плиты с Оки
распаренным зноем купален,
и плавилась липы, жужжали жуки,
и травы к ногам прилипали.

И я бы могла, как жучок в янтаре,
неслышно приклеиться где-то,
зеленым кустом прирасти на горе,
где маленький домик поэта.

Здесь сердце забыло бы все миражи,
к которым стремилось когда-то.
Здесь вечером вырвутся в небо стрижи,
в пылающий купол заката.

И будут стремительно падать с высот
в овраги, в росу на поляне...

И снова земля их на небо взметнет.

И снова обратно притянет.

* * *

Только выйду я из бора
на лесной пустырь —
золотого коридора
распахнется ширь.

Неподвижен в летнем зное,
в солнечной пыли,
он открыт передо мною
с неба до земли.

И стоит, как изваянье,
воздуха стена.
Из молчанья и сиянья
соткана она.

Если есть покой всевышний —
лаконичен он:
ни одной деталью лишней
он не омрачен.

Без конца и без начала
жить бы не дыша,
чтоб подробностей не знала
легкая душа,

чтоб ответа не просила,
не искала кров,
а сама собой парила
посреди миров.

* * *

Бесшумный вечер послегрозовой,
изнеможенье всей живой природы.
Зависли облака над головой,
недвижимы сады и огороды.

По всей округе, сколько видит взор,
оцепененье после урагана.
Но из оврагов, из канав и нор
уже восходит пелена тумана.

Уже нисходят сумерки с небес,
уже тропы не различают очи...
И тополь, и трава, и дальний лес,
не шелохнувшись, канут в бездну ночи.

В такую пору ты им друг и брат.
Зажги огонь, открой окно скорее —

и освещенный упадет квадрат
на лопухи, на заросли пырея.

Ты отнял их у тьмы и пустоты,
открыл их непреложное значенье.
И капля, оборвавшись с высоты,
пересекает светлое сечение.

ЧУЖАК

Из ненастной пелены,
из речного ила
ты, деревня Мошаны,
в жизнь мою входила.

Ты — виновница разлук
с родиной на юге.
Только капель дробный стук
да туман в округе.

Больше нет в моей судьбе
светлых плоскогорий.
По ночам все мрак в избе,
все печаль да горе.

Вы меня за полцены,
даром покупали,
на деревне Мошаны
в землю прикопали.

Все забыто, все прошло.
В стороне суровой
племя новое взошло,
ради жизни новой.

И летит за годом год
в тишине окрестной.
Возле дома кедр растет —
ни чужой, ни местный.

Двести лет стоит один,
вечный, неизменный,
всей деревни господин,
всей деревни пленный.

Летней ночью сладкий сон
не ему дается.
Звездный ковш над ним склонен,
и молчанье льется.

ПУЧИНА

В этой дальней глухой стороне,
где висит на веревках белье,
заклубятся сады по весне
и утянут в болото свое.

Это здесь ты был молод и свеж
и смотрелся в полночную тишь,
и мечтал, что на крыльях надежд
из пучины садов улетишь.

А река все текла в берегах,
все клубила дремотный туман.
А трава вырастала в лугах,
источала тягучий дурман.

Все так медленно! Только года
быстро мчатся под куполом звезд.
Ты не смог улететь никуда
и в суглинок, как дерево, врос.

Так и жизнь незаметно прошла.
Это все ничего, ничего!..
Сон течет по корням до ствола,
и не надо тревожить его.

РОДНЯ

Не город детства моего,
а лишь его родня.
И без претензий на родство
мы жили здесь три дня.

Стоял короткий летний срок,
базар тонул в пыли.
Мы город вдоль и поперек
три раза обошли.

А он зарылся от жары
в кленовый свой убор,
попрятал он свои дворы
за дровяной забор,

тонул в садах, в реке сидел,
ленился и скучал,
на посторонних не глядел
и нас не замечал.

И было сладко оттого
глазеть по сторонам,

что не должны мы ничего,
и он не должен нам.

Не город детства — но зато
двойник с его лицом.
Меня не держит здесь никто,
не ждет перед крыльцом.

Пусть не причалю, уплыву
вперед, как Одиссей, —
но здесь увижу наяву
прообраз жизни всей:

я думала — она моя,
я думала — родня,
но равнодушие бытия
царит вокруг меня.

Здесь незабудки между рам
наивные — хоть плачь,
на пустыре по вечерам
летает гулкий мяч.

И в тишине за час до сна
щемящий звук такой —
как бы натянута струна
в покосах за рекой.

ПРЕДУРАЛЬЕ

Белый, тяжелый, косой снегопад,
снежная мгла вековая.
На перевалах моторы гудят,
гору одолевая.

Тужься, водитель, баранку крути,
странник многострадальный!
Не проложили другого пути —
тот же остался, кандалный.

Избы да церкви в родной стороне,
сосен застывшие лапы...
И растянулась, бредет по стране
серая лента этапа.

Русь, такова ты в глубинах снегов,
в горестной доле отцовой!
Вьется река между двух берегов
лентой тяжелой, свинцовой.

Вьется походный кочующий дым,
в небо уходит спиралью.
И залегла под покровом седым
тяжкая мощь Предуралья.

Будут и здесь златокудрые дни,
ярмарки с пеньем и свистом,
и городов беспокойных огни
выплывут в мареве мгlistом.

Вот воссияли, мелькнули — и нет:
скрылись скоропостижно.
Лишь под ногами лежит континент
сумрачно и неподвижно.

* * *

Только стрелок полуночный бег,
тиканье часов, тягучий мрак.
Где-то ухнет отсыревший снег,
зашумит проснувшийся овраг.

Все растет неудержимый вал
глухо накопившейся воды,
и священный трепет обуял
темные, намокшие сады.

Так из неподвижной тишины,
изо льда, что намертво залег,
родилось движение весны —
грозный, сокрушительный поток.

Гулких вод бегущая толпа,
ярость, помрачение, забытье...
В час, когда вселенная слепа,
слепо и веление ее.

Ты вслепую начинаешь путь,
а когда поднимется заря,
ты назад не сможешь повернуть
перед тем, как вылиться в моря.